

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МЕККУ.

(Переводъ съ французскаго).

(Окончаніе) ¹⁾.

VIII. Отъѣздъ изъ Мекки.

Настаетъ день отъѣзда. Мы въ послѣдній разъ посѣщаемъ Шейха-Хаббеида и я прошу его дать мнѣ письмо къ его коллегѣ, малекитскому муфтію въ Алжирѣ. Я на всякій случай считаю полезнымъ имѣть при себѣ это письмо какъ удостовѣреніе моего религіознаго рвенія при посѣщеніи святыхъ мѣстъ и какъ доказательство того уваженія, которое я сумѣлъ заслужить у мѣстныхъ властей.

Онъ не заставилъ себя долго просить, взялъ листъ бумаги и по восточному, просто на рукѣ, вмѣсто стола, написалъ письмо, подстрочный переводъ коего, насколько онъ возможенъ, я прилагаю здѣсь:

(Да будетъ это письмо) ²⁾ въ Алжирѣ хорошо принято и да имѣетъ честь подняться къ ученѣйшему изъ имамовъ! Да продлятся дни знаменитаго великаго Шейха бенъ Дзакура, нашего брата и сестры въ Аллахъ—муфтія сихъ мѣстъ! Привѣтъ Аллаха, аминь.

Во имя Аллаха, милостиваго и милосердаго, благословеніе и миръ Пророку, принесшему радостную вѣсть, который знаетъ всю премудрость, также и на пророковъ изъ дома Израиля. Да будетъ благословеніе Бога на немъ и на всѣхъ его близкихъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 6.

²⁾ Слова въ скобкахъ прибавлены для ясности.

Онъ Единъ вѣковѣченъ, Властелинъ міровъ, Единственный.

Человѣку высокочтимому, знаменитому, открывающему все, что трудно понятно, разсѣивающему всякій мракъ, нашему брату и сестрѣ въ Богѣ, Шейху-бенъ-Дзакуру, Богъ да защититъ его. Аминь.

Затѣмъ да умножится благословеніе Божіе на васъ и милосердіе его.

Онъ пришелъ къ намъ съ Божіей волей,—съ радостью отпущенныхъ грѣховъ, для будущей жизни, Абдъ-Алла банъ эль Ваширь, вошедшій въ спасеніе, и мы изучили его состояніе и нашли его истинно-вѣрующимъ, — не желающимъ ничего, кромѣ спасенія души. Онъ, вѣрующій, своимъ особымъ рвеніемъ и достоинствомъ выдѣляется изъ толпы всѣхъ, слѣдующихъ религіи (Ислама) и поучился бы еще если бы онъ могъ остаться у насъ, и всѣ узнали бы, что мы сдѣлали для него съ цѣлью добра; но онъ торопился уѣхать. Надо, чтобы желающій спастись соблюдалъ достоинство (религіи) и научился бы тому, что ему нужно, и при моемъ великомъ расположеніи къ вамъ будемъ надѣяться о Вашей Милости, что вы будете продолжать соблюдать достоинство (Ислама) въ немъ.

Богъ не запретилъ ни вамъ ни мнѣ надѣяться на вознагражденіе (на томъ свѣтѣ). Пребывайте въ Его добрѣ и радости.

Желающій вамъ добра Мохаммедъ-Хаббейдъ, сынъ (умершаго) Шейха-Хусейна,—да помянетъ его Богъ,—малекитскій муфтій въ Меккѣ, хранимой (Богомъ).

7 Рабіа эль-сани 1312 (1894)

Нашъ метуафъ Абдеррахманъ-бу-Шенакъ хочеть насъ удержатъ во что бы то ни стало. «Не оставляй меня, умоляю тебя, ты помоги мнѣ въ моей болѣзни; я чувствую, что ты одинъ могъ бы вылѣчить меня окончательно», говоритъ онъ мнѣ. Но мой спутникъ Хаджи-Акли серьезно болѣнъ; болѣзнь его печени все ухудшается, продолжительные припадки лихорадки истощаютъ его силы; приходится возвращаться на сѣверъ, перемѣнить климатъ.

Видя, что насъ нельзя удержатъ, Абдеррахманъ-бу-Шенакъ самъ собирается ѣхать съ нами, чтобы полѣчиться у нашего общаго друга Хаджи-Абдеррахмана-эль-Тебиби, но его двоюродный братъ Ахмедъ-бу-Шенакъ отговариваетъ его: «А вдругъ, ты умрешь такъ далеко отъ насъ... Нѣтъ, другъ, ты долженъ умереть здѣсь, на глазахъ у своихъ, если твой часъ насталъ»... и Абдеррахманъ-бу-Шенакъ покоряется.

Рѣшено, что по прїѣздѣ въ Алжиръ я посовѣтуюсь съ Хаджи Абдеррахманомъ-эль-Тебиби, и лѣкарство мы перешлемъ ему съ паломниками будущаго года,—Иншалла (если Богъ захочетъ).

Ослы снова заказаны. Мы ждемъ ихъ съ нетерпѣніемъ болѣе трехъ часовъ. Съ наступленіемъ ночи они наконецъ являются и, въ сопровожденіи нашихъ друзей, мы благополучно доѣзжаемъ до городскихъ воротъ.

Бу-Шенакъ и Дервишъ по очереди жмутъ мнѣ руку, Хаджи-Акли очень нервенъ и озабоченъ. Онъ большими шагами ходитъ передъ нами и спѣшить, не знаю почему, выѣхать изъ города.

Послѣ долгихъ объятій, мы взбираемся на осликовъ и опять несемся въ темнотѣ ночной. Чувство страха, вызываемое безпокойствомъ товарища, невольно закрадывается и въ мою душу.

Видимо, въ Меккѣ, какъ и въ Джеддѣ, я успѣлъ возбудить подозрѣніе, и пребываніе мое тамъ не обошлось безъ маленькаго инцидента, могущаго имѣть дурныя послѣдствія; однажды, бродя въ одиночествѣ по улицамъ Мекки, я былъ остановленъ полицейскимъ, спросившимъ меня по турецки, кто я таковъ и что я дѣлаю въ Меккѣ?

«Говори по-арабски» сказалъ я ему; и онъ повторилъ свой вопросъ.

«Я алжирецъ».

— «Гдѣ ты живешь?»

— «У своего метуафа, Абдеррахмана-бу-Шенака».

Онъ повелъ меня въ ближайшій полицейскій постъ и вотъ я опять арестованъ! Мнѣ предлагаютъ тѣ же вопросы, зорко осматривая меня. Лаконически я отвѣчаю то-же.

— «Какъ здоровье Абдеррахмана-бу-Шенака?» тогда спрашиваютъ меня.

— «Онъ страдаетъ желудкомъ, но съ Божьей помощью, я помогу ему, такъ какъ я отчасти врачъ».

— «А! ты врачъ, — хорошо, иди съ миромъ!! И меня отпускаютъ... Это знаніе подробностей о всѣмъ извѣстной болѣзни моего хозяина выручило меня.

Я никому не сказалъ тогда объ этомъ обстоятельствѣ и впредь уже не рѣшался выходить одинъ изъ дому, но въ душѣ боялся послѣдствій этой неосторожности.

Теперь, уже въ пути, этотъ страхъ возвращался съ новой силой. Можетъ быть кто-нибудь успѣлъ насъ выдать, можетъ быть турецкая полиція обратить на насъ вниманіе и произведетъ под-

робный осмотръ, для чего нашъ отъездъ является самымъ удобнымъ временемъ, и тогда хороши мы будемъ съ нашими фотографическими аппаратами!

Въ сущности нельзя назвать это чувство страхомъ, я просто не былъ спокоенъ и съ радостью слѣдилъ, какъ постепенно увеличивалось разстояніе между нами и священнымъ городомъ...

Бойко бѣгутъ наши ослики и мы скоро догоняемъ путешественниковъ, выѣхавшихъ раньше насъ; это друзья Хаджи, «метуафы» изъ Триполи и Туниса, ѣдущіе въ Джедду и оттуда на родину повидать своихъ и собирать подаянія. Вѣроятно они будутъ нашими спутниками до Ямбо, единственной пристани между Джеддой и Суэцомъ, гдѣ мы предполагаемъ высадиться, чтобы ѣхать въ Медину.

Мы обмѣниваемся разными любезностями и все время перекликаемся въ полной темнотѣ.

— «Ходжа Абдалла»? (это мое имя богомольца).

— «Намъ?» (Ну что)?

— «Кифе Олекъ» (какъ поживаешь).

— «Тайбине, Амдулилла» (Хорошо, слава Богу).

Все идетъ хорошо. Хаджи пока успокаивается, Абдъ-эль-Вахадъ поетъ красивыя бедуинскія и мароккскія пѣсни. Въ особенности часто вспоминается мнѣ одна изъ нихъ, когда я мысленно переносусь къ своимъ странствованіямъ. Я впервые слыхалъ ее на палубѣ «Глаукуса», напѣваемую бедуинскими шейхами, ѣхавшими съ нами въ Мекку.

Она преслѣдовала меня во всѣхъ моихъ прогулкахъ по святому городу, гдѣ ее напѣваютъ почти всѣ погонщики ословъ. И въ эту мучительную ночь возвращенія, Абдъ-эль-Вахадъ почти все время пѣлъ ее въ полголоса.

Арабскіе стихи, такимъ образомъ распѣваемые, почти непереводимы, но я забавлялся въ эту безсонную ночь, пробуя по нѣсколькимъ схваченнымъ словамъ; козочка, песокъ, пустыня, мое сердце, любовь и т. д. перевести арабскій текстъ этой пѣсни, мотивъ которой, то жалостный и ласкающій, то полный раздраженія и угрозы, то звучащій неизъяснимой грустью, глубоко запалъ мнѣ въ душу.

Вотъ, приблизительно, что пѣлъ Абдъ-эль Вахадъ:

Жестоко изгнаніе! долженъ бѣжать, Зюлейка,
Зюлейка, моя жемчужина, мое сокровище.
Умереть въ пустыню я бѣжалъ, Зюлейка,

Зюлейка, жемчужина, мое чудное сокровище.
 Я сказать свое горе дикимъ козамъ, Зюлейка,
 Зюлейка, жемчужина, мое чудное сокровище.
 Газели смѣялись моимъ слезамъ, Зюлейка,
 Зюлейка, жемчужина, мое чудное сокровище,

Я умираю и прокливаю тебя, Зюлейка,
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный.
 Ты измѣнила нѣжнымъ клятвамъ, Зюлейка,
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный.
 Невѣрная измѣнница, ты поешь и забываешь...
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный.
 Но въ свою очередь ты пострадаешь, Зюлейка,
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный.
 Вечерній вѣтеръ принесетъ тебѣ мой послѣдній вопль!
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный,
 И совѣсти угрызенія замучатъ тебя,
 Зюлейка жестокая, демонъ вѣроломный.

Въ миражѣ я снова вижу тебя, Зюлейка,
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная.
 Прохладный миражъ, увы, убѣгаетъ, Зюлейка,
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная.
 Жестокая жажда терзаетъ меня, Зюлейка,
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная;
 Нѣтъ, это жажда твоихъ поцѣлуевъ, Зюлейка,
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная.
 Я пью. Я живъ. Прохладный садъ открытъ для меня,
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная.
 Небесный садъ... Отдыхъ... Восторгъ... умираю... я твой
 Зюлейка, мой ангелъ, гурія небесная.

Первая неудача: осликъ Хаджи-Акли спотыкается и падаетъ. Хаджи, сброшенный впередъ, падаетъ на ноги, такъ что голова ослика приходится у него между ногъ, но все обходится благополучно; его усаживаютъ въ сѣдло. Нѣсколько шаговъ далѣе со мной случается то-же!

Бѣдные ослики, утомленные этими постоянными переходами въ 87 километровъ безъ отдыха, часто слабѣютъ и падаютъ, но, привыкнувъ къ этому, остаются недвижими на колѣняхъ въ глубокоемъ пескѣ, терпѣливо ожидая, чтобы сброшенный впередъ всадникъ освободилъ имъ голову, и тогда живо поднимаются. Я семь разъ благополучно упалъ такимъ образомъ. Но изведенный

въ концѣ концовъ, я набрасываюсь на погонщика, давшаго намъ такихъ скверныхъ ословъ.

«Не сердись, братъ мой, ты не умѣешь ѣздить верхомъ—вотъ и все! Давай перемѣнимся, мой осель ни разу не спотыкнулся подо-мною!»—говорить онъ.

Въ негодованіи я отвѣчаю ему, что объѣхалъ полміра, что ѣздилъ на самыхъ бойкихъ лошадяхъ, что я не новичекъ и т. д., но онъ еще терпѣливѣе отвѣчаетъ мнѣ: «Ну возьми ослика Абдъ-эль-Вахада, который тоже ни разу не спотыкался и мы посмотримъ!» Я соглашаюсь на это и мы продолжаемъ путь...

Проѣхавъ нѣсколько километровъ я вижу, что возлѣ меня свалился всадникъ.

Должно быть это Абдъ-эль-Вахадъ,—думаю я. Пожалуй онъ еще сломаетъ себѣ ногу вмѣсто меня, потому что онъ слуга, а я господинъ. Развѣ это справедливо?

Это была первая мысль,—пришедшая мнѣ на умъ, настолько, въ этой странѣ общаго братства, эгоизмъ уступаетъ мѣсто любви къ ближнему! «Эхъ, какъ повезло мнѣ!»! подумалъ бы я въ Европѣ.

Я останавливаю своего осла, чтобы помочь моему спутнику, но скоро вижу свою ошибку: это упалъ какой то незнакомецъ. Мы ѣдемъ дальше. Но мой товарищъ уже далеко впереди меня гарцуетъ въ темнотѣ.

Незнакомецъ, не сказавши мнѣ ни слова, перегоняетъ меня, и вотъ я одинъ на дорогѣ. Только бы мой осель не споткнулся, а то какъ я подымусь безъ помощи?

О, братъ мой, странникъ, да избавить тебя Всемогуцій отъ ословъ со слабыми ногами, когда ты будешь совершать святое паломничество въ Мекку, да избавить тебя Богъ отъ этой неприятности—Онъ Всемогуцій!

Меня она постигла: мой осель, желая догнать своихъ сотоварищей, пустился вскачь и повалился со всѣхъ четырехъ ногъ.

Что дѣлать одному? Какъ взобраться безъ помощи на это сѣдло, называемое въ Хеджизѣ «бать...?»

Это цѣлое сооруженіе: сначала родъ высокаго ленчика, «барда», какъ въ Алжирѣ или въ Каирѣ, притянутаго дрянной веревкой изъ альфы, потомъ набитые хурджины (переметныя сумы), сверху ватное одѣяло, служащее матрасомъ—наконецъ, какой-нибудь халатъ; все это держится въ равновѣсїи съ помощью второй веревки.

Чтобы влѣзть въ сѣдло, въ каравансараяхъ существуютъ спе-

ціальныя подставки, а въ пути погонщикъ подставляетъ вамъ ко-
лѣно; но какъ взобраться самому, безъ посторонней помощи, на
такую высоту?

Я понялъ всю опасность своего положенія и забывъ усталость,
собравъ всѣ силы, совершилъ отчаянный прыжокъ вверхъ и кое-
какъ попалъ въ сѣдло.

Я скоро догналъ моихъ спутниковъ, дремавшихъ на своихъ
ослахъ и хорошенько выбранилъ ихъ за то, что они такъ эгои-
стично поступили со мной. Вѣроятно мой упрекъ подѣйствовалъ
и послѣ этого происшествія мы безмолвно продолжали путь, тя-
нувшійся передъ нами во мракѣ ночи.

На этотъ разъ мы сразу продѣлали весь переходъ изъ Мекки
въ Джедду, если не считать короткихъ остановокъ въ Хаддѣ и въ
нѣсколькихъ придорожныхъ кофейняхъ.

На разсвѣтѣ мы были въ виду Джедды и въ торопяхъ совер-
шали утреннюю молитву, такъ какъ она должна быть окончена до
солнечнаго восхода.

IX. Возвращеніе въ Джедду.

Мы въѣзжаемъ въ Джедду черезъ Меккскія ворота, подъ весе-
лое побрякиваніе бубенчиковъ на нашихъ осликахъ, звонко раз-
дающееся въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Здѣсь осликъ, бывший
ранѣе подо мной, и до сихъ поръ благополучно возившій велико-
душнаго Абдъ-эль-Вахада, падаетъ вмѣстѣ со своимъ всадникомъ.

Теперь, при дневномъ свѣтѣ, Абдъ-эль-Вахадъ представляетъ
такой забавный видъ, съ головой ослика между ногъ, что я раз-
ражаюсь неудержимымъ хохотомъ.

— «Ты не снисходителенъ», — говоритъ онъ мнѣ, — «ты восемь
разъ упалъ, и я не смѣялся ни разу».

Мы ѣдемъ дальше все вскачь; погонщикъ старается изо всѣхъ
силъ показать, что, несмотря на длинный переходъ, его животныя
не устали, гонить во всю, подобно нашимъ кучерамъ при въѣздѣ
въ деревню. Бѣдные ослики напрягаютъ послѣднія силы, но вдругъ
почти у порога нашего дома, Абдъ-эль-Вахадъ опять падаетъ, и
бѣшенный хохотъ снова овладѣваетъ мной...

— «Ты упалъ восемь разъ и я ни разу не смѣялся», — укориз-
ненно повторяетъ мнѣ мой другъ.

Но что дѣлать? Долгое-ли принужденіе, радость-ли чувство-

вать себя внѣ опасности, сознание-ли удачи, нервное-ли возбужденіе прошедшей ночи, — не знаю, но потребность бѣшено хохотать не оставляла меня по крайней мѣрѣ два часа.

Друзьямъ, приходившимъ поздравить насъ со счастливымъ возвращеніемъ, я отвѣчалъ взрывами нервного смѣха, стараясь оправдать его забавными рассказами о нашихъ паденіяхъ и все время находился въ какомъ-то болѣзненномъ настроеніи безумной веселости.

Только уже послѣ завтрака и когда Хаджи-Акли побранилъ меня за неприличіе моего поведенія, я пришелъ въ себя.

Кажется ни разу въ жизни не испытывалъ я такого отраднаго чувства, какъ въ этотъ вечеръ, когда цѣлымъ и невредимымъ сидѣлъ я во французскомъ консульствѣ и кругомъ меня раздавались искреннія и горячія поздравленія со счастливымъ окончаніемъ опаснаго путешествія.

Посланная во Францію телеграмма обрадуетъ мою старую мать, близкихъ и друзей, и мысль, что они сегодня будутъ счастливы и спокойны, радостнымъ чувствомъ наполняетъ мою душу.

Мой визитъ въ консульство былъ сдѣланъ подъ предлогомъ визированія паспорта; я сокращаю его, чтобы не возбудить подозрѣнія, такъ какъ мои странствованія еще не кончены и я рассчитываю черезъ Ямбо отправиться въ Медину, какъ давно условлено съ Хаджи-Акли.

И вотъ мы опять гости Абдеррахмана-Эффенди. Я дѣлаю нѣсколько прогулокъ по городу и хотя менѣе стѣсняюсь, но долженъ быть все-таки остороженъ.

Мнѣ хочется снять нѣсколько фотографическихъ видовъ въ Джеддѣ, и, между прочимъ, могилу Гюбера.

Спрятавъ свой аппаратъ (13×18) на дно корзины, мы отправляемся въ фотографическую экскурсію. Мнѣ легко удается снять, не обративъ на себя ничего вниманія, нѣсколько видовъ старой стѣны, общій видъ города и нѣкоторыхъ улицъ. Выйдя за городъ, мы достигаемъ кладбища, сторожъ не препятствуетъ, и снятая фотографія увѣковѣчиваетъ священную память могилы Гюбера.

Изъ предосторожности мы возвращаемся въ городъ по другой дорогѣ и, какъ нарочно, попадаемъ на турецкій объѣздъ, состоящій изъ двухъ офицеровъ, унтеръ-офицера и двухъ солдатъ. Пользуясь прохладой, они производятъ утренній осмотръ постовъ. Наша корзина возбуждаетъ подозрѣніе въ контрабандѣ и, остановивъ насъ, они спрашиваютъ, что въ ней такое.

— «Ничего»,— отвѣчаетъ Хаджи.

— «Ого! а это что такое?»

— «Это»,— рѣшительно отвѣчаетъ Хаджи-Акли,— «фотографическій аппаратъ, съ помощью котораго мой спутникъ Абдалла, алжирскій врачъ, хочетъ снять нѣсколько видовъ города».

Офицеръ пытливо осматриваетъ меня. Къ счастью въ этотъ день я прилично одѣтъ. На мнѣ новый шелковый халатъ, красивый поясъ и хорошая обувь.

Я выдерживаю испытующій взглядъ офицера и прибавляю по-арабски: «Да, я алжирецъ, нахожусь подъ покровительствомъ Франціи, мой паспортъ у драгомана въ консульствѣ, гдѣ мы и живемъ».

Зорко осмотрѣвъ меня и видя, что я не смущаюсь, турецкій офицеръ отпускаетъ насъ съ миромъ.

По возвращеніи домой, я рѣшительно прячу свой аппаратъ на дно сундука съ тѣмъ, чтобы не вынимать его больше въ Джеддѣ.

Послѣдній вечеръ въ Джеддѣ мы провели въ обществѣ нашихъ друзей у аптекаря и послѣ чая мирно усѣлись на порогѣ дома. Къ намъ подошли двѣ нищія бедунскія дѣвочки, прося милостыни.

«Это могребинки»,— сказалъ мнѣ аптекаръ,— «оставленныя здѣсь на произволъ судьбы своими земляками. Ихъ много этихъ несчастныхъ. Не имѣя средствъ на возвращеніе домой, онѣ собрались цѣлымъ таборомъ и живутъ на берегу моря, у самыхъ городскихъ воротъ. Пойдемъ взглянуть на нихъ, это грустное зрѣлище, но слѣдуетъ тебѣ посмотрѣть».

Худыя, истощенныя, съ блестящими отъ голода глазами, прося по дорогѣ милостыню, ведутъ насъ эти дѣвочки черезъ площадь. Но немного «піастровъ» и «пара» (мелкая монета) перепадаетъ имъ; даже богатые купцы и тѣ предпочитаютъ отдѣлаться корками хлѣба и гнилыми фруктами.

У нихъ въ рукахъ маленькіе глиняные кувшины, которые имъ нужно наполнить свѣжей водой, но онѣ видимо не рѣшаются просить объ этомъ. Наконецъ, онѣ подходятъ къ добродушному старику, сидящему передъ своей лавкой, цѣлуютъ ему руки и послѣ усиленныхъ просьбъ, добиваются позволенія получить воду.

По приказанію хозяина, слуга ворча отправляется къ цистернѣ, но наши дѣвочки горячо протестуютъ: «Твой хозяинъ сказалъ хорошей воды дать для питья, а не испорченной изъ цистерны». Но такъ какъ слуга не обращаетъ на это вниманія, онѣ возвра-

щаются къ великодушному купцу и только послѣ новыхъ долгихъ просьбъ получаютъ свѣжую воду.

Теперь наши бедуиночки счастливы, точно нашли сокровище. Онѣ щебечутъ какъ двѣ птички, играютъ и даже поддразниваютъ другъ друга. Бѣдныя дѣти! Какая беззаботность! А между тѣмъ какъ это понятно въ ихъ лѣта.

Мы достигли цѣли нашего пути. Передъ нами невообразимое кочевье нищеты. На прибережномъ пескѣ развѣшаны на палкахъ разныя старыя тряпки на подобіе шатровъ. Прямо на землѣ валяются нѣсколько сотъ несчастныхъ существъ, мужчинъ и женщинъ, потерявшихъ всякій человѣческій обликъ. Это живые осколки паломничества. Большинство изъ нихъ старики; въ надеждѣ-ли на удачу, или желая умереть въ святой землѣ, неизвѣстно какъ, притащились они сюда вслѣдъ за паломниками, но счастье не улыбнулось имъ, а смерть не беретъ.

Я съ ужасомъ спрашиваю себя, чѣмъ могли они питаться въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ? какимъ чудомъ живутъ они теперь? Напрасно эпидеміи свирѣпствовали подъ жгучимъ солнцемъ, напрасно всякія заразы кишили среди нихъ, они все еще продолжаютъ влачить свое жалкое существованіе.

Конечно, мечети служатъ главнымъ пріютомъ этой нищеты, но все-таки остается только удивляться живучести этихъ людей, какъ невольно удивляешься колючкамъ и кустикамъ, находящимъ себѣ въ бесплодныхъ пескахъ пустыни необходимую влагу и питаніе,—растеніямъ, жизнь которыхъ, въ сущности, является для насъ непонятной загадкой природы!

«Посмотри»,—говоритъ мнѣ аптекаръ,—«это все могребійцы, все люди изъ твоей страны. Неимущіе турки и египтяне, тѣ возвращаются домой на счетъ своего правительства, между тѣмъ какъ эти, кажется, забыты всѣми и даже Богомъ».

— «Это потому, что Богъ удалился отъ странъ, понавшихъ во власть невѣрныхъ»,—говоритъ намъ съ горечью одинъ изъ этихъ несчастныхъ.

Я тутъ же купилъ и роздалъ нѣсколько фунтовъ хлѣба, и теперь еще содрагаюсь, вспоминая, какъ жадно щелкали челюсти этихъ голодныхъ людей.

Я вернулся домой подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ видѣннаго, и весь вечеръ разговоръ шелъ о несправедливости французовъ относительно мусульманъ алжирскихъ, тунисскихъ и всего Могреба ¹⁾,

¹⁾ Т. е. запада, но названіе это общее (и неопредѣленное для обозначенія сѣверной Африки.

и я ничего не могъ сказать этимъ враждебно настроеннымъ людямъ въ защиту Франціи. Мое щекотливое положеніе принуждало меня къ молчанію, а между тѣмъ мнѣ страшно хотѣлось закричать имъ всю правду. Хотѣлось сказать имъ о дружескомъ расположеніи, питаемомъ Франціей къ народамъ ислама, дружбѣ, бывшей постоянной заботой нашихъ правительствъ, начиная съ Наполеона I, корреспонденція котораго изъ Египта краснорѣчиво свидѣлствуетъ объ этомъ, и кончая нашими днями.

Въ настоящее время, несмотря на постоянную угрозу занесенія паломниками эпидемій и опасность, угрожающую всей Европѣ, французская политика продолжаетъ покровительствовать паломничеству. Кто болѣе алжирскаго правительства окружилъ богомольцевъ медицинской помощью, гигиеническими предосторожностями и т. д.? Кромѣ того приняты дѣйствительныя мѣры, въ видѣ требованія залога (около 1,000 франковъ), вносимаго богомольцами при ихъ отправленіи, какъ обезпеченіе противъ всякихъ случайностей.

Чего только ни предпринимали, чтобы спасти ихъ отъ грустныхъ результатовъ, вызываемыхъ чрезмѣрнымъ религіознымъ рвеніемъ, въ послѣдствіи заставляющимъ несчастныхъ бѣдняковъ переносить тѣ муки, свидѣтелемъ коихъ я былъ въ Джеддѣ!

А между тѣмъ весь мусульманскій міръ остается при убѣжденіи, что Франція ставитъ преграды паломничеству въ Мекку; происходитъ это оттого, что могребійцевъ ошибочно смѣшиваютъ съ арабами изъ Марокко и Триполи, не подлежащихъ нашему контролю, съ алжирцами и тунисцами, французскими подданными.

По моему есть еще одна мѣра: это обратиться къ благотворительности мусульманъ сѣверной Африки, чтобы съ помощью ежегоднаго сбора образовать фондъ на вспомошествованіе бѣднѣйшимъ паломникамъ, и на расходы по ихъ доставкѣ на родину.

Но стоитъ-ли, скажутъ мнѣ, интересоваться этими безпечными людьми, легкомысленно предпринимающими такое путешествіе, между тѣмъ какъ было бы такъ просто оставаться дома? Я отвѣчу на это, что Франція не должна допускать распространенія подобныхъ неправильныхъ толковъ, служащихъ во вредъ ея филантропической политикѣ въ Алжирѣ и Тунисѣ.

Х. Изъ Джедды до Ямбо.

Завтра мы покидаемъ Джедду. Австрійскій пароходъ готовъ къ отплытію, мы на разсвѣтѣ незамѣтно переберемся на него въ со-

провожденіи только нашихъ вѣрныхъ друзей Хаджи-Али-Омды, Абдъ-эль-Вахада и Ахмеда, содержателя кофейни въ Джеддѣ, который, если хотите, былъ намъ слугой,—но слуга въ Аравіи—другъ.

Съ сожалѣніемъ прощаемся мы съ этими добрыми людьми, безкорыстно служившими намъ и много способствовавшими успѣху нашего предпріятія. Память о Хаджи-Али-Омды останется надолго въ моемъ сердцѣ; я высоко цѣню его благородство, его преданность и великодушіе. Если настанетъ день, когда я буду ему нуженъ, онъ найдетъ меня готовымъ—если Богу будетъ угодно!

«Thisbè», пароходъ австрійскаго Ллойда, тихо уноситъ насъ по глубокому синему морю. Хорошо нагруженный, онъ плавно скользитъ по спокойнымъ водамъ, и мы можемъ въ волю любоваться постепенно исчезающими на горизонтѣ берегами Святой Земли...

Я, конечно, одѣтъ все еще по-мусульмански, но костюмъ мой теперь почти роскошенъ, а главное—чистъ.

Во время моего пребыванія въ Хеджазѣ, я постоянно былъ одѣтъ бѣднякомъ, дабы не обращать на себя вниманія; но теперь на пароходѣ я пользуюсь случаемъ привести себя въ болѣе приличный видъ.

Мы отдыхаемъ здѣсь отъ постоянной тревоги, съ нами только наши друзья, метуафы изъ Туниса и Триполи, наши спутники до Ямбо.

Мы располагаемся въ каютахъ перваго класса,—правда, каютахъ грузового судна и безъ общаго стола, но все-таки какой комфортъ сравнительно съ тѣмъ, что было на «Glaucus'ъ». Тогда моимъ спутникомъ на палубѣ была грязная вонючая собака, теперь на шканцахъ судна около меня прелестная маленькая газель, которую капитанъ купилъ въ Джеддѣ и везетъ въ Триестъ.

Джедда исчезаетъ на горизонтѣ, а за ней и Хадда, за которой прячется Мекка.

Мы въ открытомъ морѣ, и я мысленно переносусь къ чуднымъ вечернимъ молитвамъ въ священной мечети, въ обаятельный часъ солнечнаго заката... Я снова вижу розовый свѣтъ вечерней зари и паломниковъ, благоговѣнно скользящихъ какъ призраки по тесанымъ плитамъ кругомъ Каабы. До меня снова доносится эхо мелодичнаго призыва четырехъ муэззиновъ, грустью звучить ихъ меланхолическій напѣвъ въ сіяніи потухающаго вечера; низкій басъ одного сливается съ высокимъ сопрано другого, и далеко въ воз-

духъ разносятся ихъ рыдающіе голоса... Въ дѣйствительности это раздается глухой шумъ винта, грозный плескъ волны и унылый свистъ вѣтра въ парусахъ и снастяхъ парохода.

Семь часовъ вечера.

Газель жуетъ сухое сѣно.

Я открываю свое инкогнито капитану «Thisbè», командовавшему яхтой «Аврора», построенной вѣнскимъ барономъ Нафанаиломъ Ротпильдомъ для своего путешествія на Востокъ. Я тогда обѣдалъ на яхтѣ, за столомъ барона. Капитанъ сначала не вѣритъ своимъ глазамъ, но, признавъ меня, радостно привѣтствуетъ; завязывается разговоръ, велѣно подать намъ складные стулья и отпустить на ночь матрасы и постельное бѣлье. Какое пріятное возвращеніе къ комфорту. Мы чувствуемъ себя принцами!

Козочка пережевываетъ свою жвачку и ея большіе, задумчивые глаза закрываются въ полу-дремотѣ. Пассажиры, за исключеніемъ рулевого и нѣсколькихъ турецкихъ дамъ, совершаютъ вечернюю молитву.

Негритянка огромныхъ размѣровъ сопровождаетъ старую даму изъ Египта; она очень набожна и все время перебираетъ свои перламутровыя четки. Удобно размѣстившись на кроватяхъ и коврахъ, эти двѣ женщины хозяйничаютъ, молятся или сосутъ гранаты. Когда черная рабыня поднимается, то ея огромныя формы производятъ уморительное впечатлѣніе. Вотъ набросокъ, достойный пера Каранъ-д'аша, — жаль, что его нѣтъ здѣсь.

На носу парохода пассажиры расположены живописными группами. Самовары, котелки и кастрюли всевозможныхъ формъ и величинъ мелькаютъ со всѣхъ сторонъ. Дѣти пищать, другія играютъ; самыя маленькія уложены въ гамаки и ихъ раскачиваютъ со всего размаха, что здѣсь называется убаюкивать!

Кухня переполнена; всякіе котелки, чайники загромаждаютъ очагъ повара, собирающаго обильную жатву маленькихъ серебряныхъ пиастровъ.

Восемь часовъ.

Обѣдъ конченъ. Восклицаніе «хамдулла» сопровождаетъ повсюду громкую отрыжку. Раздается нѣсколько бедуинскихъ пѣсень, напѣваемыхъ въ полголоса; жара спала, всѣ готовятся къ ночлегу.

Девять часовъ.

Ночую на палубѣ. Возлѣ моей койки стоитъ на скамейкѣ кувшинчикъ свѣжей воды и кофейникъ съ остатками чаю и ломтиками

лимона... мое питье на ночь. Это очень интересуется козочку и она пользуется моей невнимательностью, чтобы вскарабкаться на скамью. Положительно ее фамильярность переходит границы. Я строго прогоняю ее, но она смотрит на меня такими блестящими и ласковыми глазами, что я встаю и наливаю ей чашку чая; она нюхает его, лижетъ края чашки, но отказывается пить. Отъ воды тоже отказывается. Видимо все это только одно женское любопытство и кокетство!

Ей насыпали немного кунжута, смѣшаннаго съ кукурузой, подложили сѣна, но она очень серьезно отгребаетъ сѣно и укладываетъ на кунжутъ, зернышки котораго должно быть напоминаютъ ей песокъ родной стороны.

Бѣдная маленькая козочка, кто возвратитъ тебѣ песокъ родной пустыни? Какова будетъ теперь твоя грустная судьба? Твои нѣжные члены окоченѣютъ отъ нашихъ холодныхъ тумановъ и чахотка ждетъ тебя на западѣ.

Бѣдная козочка! Вдыхай сильнѣе послѣднее дуновеніе вечерняго вѣтерка, еще приносящаго тебѣ ароматы родного края! Черезъ четыре дня ты будешь плавать по морямъ болѣе холоднымъ, и жестокое изгнаніе начнется для тебя.

Лично я ни за что не буду заводить птицъ, обезьянъ, попугаевъ—всѣхъ этихъ бѣдныхъ мучениковъ, оторванныхъ жестокимъ человѣкомъ отъ родной природы; въ неволѣ ненужная жалость только удлиняетъ ихъ агонію.

Одиннадцать часовъ ночи.

Все спитъ и я предаюсь своимъ мечтамъ.

ХІ. Ямбо-эль-Бахръ.

Вотъ Ямбо-эль-Бахръ, гавань Медины, какъ Джедда гавань Мекки. Мы приближаемся; волшебный видъ открывается передъ нами: къ сѣверу на горизонтѣ высятся темныя очертанія причудливыхъ горъ; между ними и моремъ растилается пустынная равнина, окаймленная полосой золотистаго песка; море отражаетъ это золото берега, переливаясь изумрудно-зелеными радужными тонами. Маленькій городокъ еще ярче блеститъ, поднимаясь въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега, и тонкіе силуэты двухъ минаретовъ ясно выступаютъ на темномъ фонѣ горы.

Небо молочно-голубого цвѣта; палящій зной повисъ въ воз-

духъ. Пароходъ медленно пробирается мимо коралловыхъ рифовъ, унизывающихъ, какъ и въ Джеддѣ, этотъ негостепріимный берегъ. Рифы окаймляютъ узкій проливъ, ведущій къ пристани, но нашъ лоцманъ ловко проводитъ насъ и мы бросаемъ якорь.

Я разсѣянно смотрю на всѣ эти подробности и сердце мое сжимается. Хаджи только-что объявилъ мнѣ, что не можетъ сопровождать меня въ Медину. Болѣзнь печени его чрезвычайно усилилась въ этомъ жаркомъ климатѣ. Онъ очень ослабѣлъ и его пугаетъ тяжелая перспектива пяти переходовъ на верблюдахъ, отдѣляющихъ насъ отъ второго священнаго города Ислама, отъ гробницы Пророка, отъ Медины Благословенной.

Онъ едва соглашается сойти на берегъ, чтобы повидать одного стараго пріятеля и сдѣлать коротенькую прогулку.

Еще безучастнѣе обхожу я эти бѣдныя улицы и грязные базары. Торговля мало развита въ Ямбо и то только оптовая, мелочной вовсе не существуетъ. Сюда привозятъ рисъ, хлѣбное зерно или ткани.

Суда выгружаютъ свою кладь на маленькую набережную, содержащую въ довольно хорошемъ состояніи; отсюда безконечные караваны верблюдовъ, какъ трудолюбивые муравьи, берутъ ее, чтобы доставить черезъ пустыню въ Медину.

Возлѣ насъ стояло на якорѣ англійское судно, нагруженное зерномъ, пожертвованнымъ султаномъ и отправленнымъ изъ Константинополя для пилигримовъ будущаго года.

Мнѣ говорили, что такимъ же образомъ султанъ ежегодно отправляетъ суда, нагруженные пшеницей, масломъ, медомъ, сушенымъ виноградомъ, оливами и т. д., великодушно предназначенными для продовольствія паломническихъ каравановъ.—Да будетъ благословенъ султанъ!

Мы узнали въ Ямбо о смерти важной персоны въ Мединѣ,—Си-Халедъ-Джама-эль-Лиль, большого пріятеля Бенъ-Рашида, правителя Неджа.

И мединцы, которые сообщили намъ объ этомъ, прославляютъ этого Бенъ-Рашида!

«Какой могущественный государь! Всегда на войнѣ, хорошо вооруженный, справедливый и великій!.. недавно, два комерсанта изъ нашей страны отправились торговать въ его царство. Девять дней пути отдѣляютъ Медину отъ столицы Бенъ-Рашида: два первыхъ—по турецкимъ владѣніямъ, а семь остальныхъ—по его арабскому царству. Нашихъ комерсантовъ не беспокоили ни по пути,

ни во время пребыванія ихъ у Бенъ-Рашида. При обратномъ же ихъ слѣдованіи они были убиты при самомъ вступленіи на турецкую территорию, тогда какъ въ качествѣ иностранцевъ, они пользовались почетомъ и уваженіемъ въ продолженіе семи дней пути во владѣніяхъ арабскаго государя. Бенъ-Рашидъ, взбѣшенный этимъ происшествіемъ, приказалъ тогда племенамъ подчиняться его власти и не платить никакихъ податей туркамъ.

«Я буду повелѣвать вами,—объявилъ онъ,—ибо Турція безсильна охранять безопасность вашу даже у себя. Отнынѣ только мой *анайи* будетъ имѣть значеніе для васъ и я хочу быть полнымъ господиномъ въ предѣлахъ до одного дня пути въ Медину». Но племена не осмѣлились отказать отъ уплаты податей туркамъ; тогда разгнѣванный Бенъ-Рашидъ, въ примѣръ другимъ, стеръ ихъ съ лица земли.

— «Слову моему должно повиноваться или умереть!» — сказалъ онъ, и ни одна живая душа не была пощажена... Си-Халедъ-Джама-эль-Лиль былъ его вѣрнымъ другомъ,—прибавили мединцы.

«Какой справедливый и могучій человекъ! Постоянно сопровождаемый двѣнадцатью черными невольниками, здоровыми и сильными, которыхъ онъ покупалъ, несмотря ни на какую цѣну, онъ чинилъ судъ и расправу безапелляціонно, казнилъ даже смертью, не обращая вниманія на турокъ. Ежедневно, въ опредѣленный часъ, на порогѣ своего жилища онъ обнажалъ саблю и, высоко вздымая ее надъ головою, восклицалъ:

«Кто имѣетъ ко мнѣ дѣло? Всякій, кто желаетъ принести жалобу на несправедливость, пусть подходитъ безъ страха, если его дѣло право и слова искренни: моей саблей, блестящей и чистой, я воздамъ ему должную справедливость!.. А вы, ночные львы (воры), дрожите: я скошу ваши головы, какъ зрѣлые колосья хлѣба»!... Въ его могучей рукѣ, разсѣкая воздухъ, какъ крыло птицы свистѣла при этомъ сабля и онъ прибавлялъ обыкновенно:

«А ты, эхо страны арабской, повторяй мой голосъ до самой пустыни, дабы знали всѣ, что здѣсь обитаетъ справедливость и что Богъ покровительствуетъ угнетеннымъ!»

«И челобитчики приближались довѣрчиво, а львы ночи дрожали... Теперь онъ умеръ. Богъ Всемогущъ! Но мы жестоко чувствуемъ потерю, которую причинила намъ смерть этого праведника!.. Видно Богъ удалился отъ арабовъ, что допускаетъ умирать такимъ людямъ. Но наше упованіе на Него остается непоколебимо, ибо онъ Великодушный, Добрый, Милосердный. Помолимся

же за Си-Халедъ-Джама-эль-Лила, преклонимся передъ волей Аллаха!»...

Я бы очень хотѣлъ знать этого государя Неджа, этого Бенъ-Рашида, легендарнаго повелителя, страшнаго воина и справедливаго человѣка, и тѣмъ болѣе мнѣ приходится сожалѣть о препятствіяхъ, останавливающихъ меня на пути къ центральной Аравіи, куда влекутъ меня тысячи таинственныхъ симпатій. И я далъ себѣ клятву возвратиться сюда и проникнуть въ сердце этихъ дикихъ пустынь, столь замкнутыхъ, и въ то же время столь привлекательныхъ... Теперь же, увы, я вынужденъ сказать: — «Прости, хоть на время, мечта, такъ давно лелѣемая мною, прости надежда прибавить лишній мой камень къ зданію съ такимъ трудолюбіемъ созданной арабской археологіи»!..

А между тѣмъ я все-таки страшно обрадовался, услыхавъ отъ мединцевъ: «Если тебя интересуютъ писанные камни, то въ нихъ нѣтъ недостатка въ Мединѣ. Тамъ одна сторона крѣпостныхъ стѣнъ, построенныхъ изъ камня, вся покрыта древнѣйшими письменами, уцѣлѣвшими отъ временъ нашихъ войнъ съ евреями и румами».

И подумать, въ руки нашихъ ученыхъ попали лишь немногіе рѣдкіе образцы этихъ драгоценныхъ надписей, едина-Салехъ или изъ Тейми. Но мы, французы, ничего не имѣемъ изъ Медины, гдѣ между тѣмъ науку, быть можетъ, ожидаютъ весьма цѣнные открытія... Мектубъ, ничего не подѣлаешь, — судьба.

Надо ѣхать!

Якорь поднять и мы двигаемся.

Передо мной, какъ во снѣ, проносятся снятіе съ якоря и всѣ мельчайшіе эпозоды, составлявшіе злобу дня.

Прежде всего, — горячее препирательство между нашимъ капитаномъ и нѣкимъ уроженцемъ Ямбо, странною личностью, представителемъ чуть ли не всѣхъ пароходныхъ компаній. Этотъ генеральный агентъ, онъ же приморскій маклеръ, нагрузчикъ, судовладѣлецъ, содержатель береговыхъ лодокъ и т. д., Мохамедъ-Бордифъ, если ужъ нужно назвать его, чрезвычайно странный субъектъ. Коренастый, плотно сколоченный, ловкій и здоровый какъ любой изъ носильщиковъ, которыми командуетъ, онъ ужасно коситъ глазами и одѣтъ изъ рукъ вонъ плохо. Онъ собственно-ручно работаетъ при маневрахъ или нагрузкѣ судовъ, несмотря на то, что самъ состоитъ хозяиномъ сотенъ рабочихъ и, можетъ быть, даже рабовъ... Онъ, однако, не внушаетъ никакого довѣрія

нашему капитану, который порядочно его третируетъ. Но капитанъ едва ли правъ: этотъ простякъ Бордифъ, если бы захотѣлъ, могъ бы устроить нагрузку гораздо дешевле. Между тѣмъ дѣло у нихъ не ладится только изъ-за нѣсколькихъ піастровъ и капитанъ, утомленный этими бурными препирательствами, бросаетъ, наконецъ, все и даетъ сигналъ къ отходу. Но опять проволочка.

Нужно ждать самовольно отлучившагося на берегъ лощмана. Когда онъ показался, наконецъ, капитанъ устраиваетъ ему страшную сцену.

— «Ты видишь», — говоритъ намъ этотъ лощманъ, — «какъ меня третируетъ этотъ *яуръ*; а между тѣмъ, захоти только я, что останется отъ его судна въ какія-нибудь четверть часа!» — И его черный взоръ сверкнулъ при этомъ такимъ зловѣщимъ огнемъ, что я понялъ слѣды этихъ крушеній на Красномъ морѣ и содрогнулся невольно...

— «Я девятнадцать лѣтъ вожу суда», — сказалъ онъ въ заключеніе капитану, — «и никогда не испытывалъ такого обращенія. Но... Богъ великъ! Онъ единственный властелинъ людей и судьбъ нашихъ...»

И совершенно тихимъ ходомъ мы минуемъ опасныя мѣста подл бдительнымъ надзоромъ капитана, который, очевидно, слѣдилъ какъ по сторонамъ, такъ... и за своимъ лощманомъ...

ХІІ. Суэзъ.

Черезъ два дня мы бросаемъ якорь на рейдѣ Суэза. Я прощаюсь съ капитаномъ и мы высаживаемся, при полной тишинѣ, въ бухтѣ, сверкающей подобно расплавленному свинцу.

Въ Египтѣ нисколько не заботятся о бѣдныхъ мусульманскихъ путешественникахъ и чиновники, зятянутые въ важные, смѣшные мундиры поступаютъ совершенно по-англійски, выказывая имъ полное презрѣніе. Они разыгрываютъ изъ себя такихъ господъ при засвидѣтельствovanіи паспортовъ и документовъ о здоровьѣ, что я вынужденъ былъ разсердиться; они явно преувеличиваютъ формальности, въ надеждѣ вѣрнѣе получить бакшишъ...

Но вотъ, наконецъ, я, во дворѣ зданія компаніи Суэзскаго канала, я, до такой степени измѣнившійся, что вначалѣ никто не узнаетъ меня. Затѣмъ, — радость встрѣчи, дружескія и крѣпкія пожатія рукъ и восклицанія:

— «Какъ, вы уже вернулись! Но какой свирѣпый видъ! Вы совершенно черны, мой милый»...

И важно драпируясь, по древнему, въ свой арабскій костюмъ, который я люблю теперь и въ которомъ чувствую себя очень удобно, я отвѣчаю односложно, съ спокойствіемъ истаго номада.

Вечеромъ, въ гостепріимномъ жилищѣ, окруженный полнымъ радушіемъ и моими египетскими слугами, я продолжаю, никѣмъ не тревожимый, мечтать о востокѣ... Я долго люблюсь при закатѣ солнца изумрудно-зелеными водами Суэзскаго залива и угрюмымъ видомъ горъ Атакской бухты; затѣмъ — сумерками, окутавшими лагуны, бѣдными хижинами, отблесками догорающихъ лучей и воздухомъ, столь прозрачнымъ, что цвѣтныя, волнующіяся одежды дѣтей, играющихъ на пескѣ, кажутся драгоценными камнями, рассыпанными повсюду и сверкающими въ золотой оправѣ... Постепенно наступаетъ затѣмъ ночь, придавая грустный колоритъ длиннымъ, синимъ одеждамъ феллаховъ... И я еще внимательно вглядываюсь въ этотъ городъ, лежащій между двумя мірами, востокомъ и западомъ. Съ одной стороны, — городъ арабскій, бѣдный и безцвѣтный, теряющійся въ пескахъ пустыни; съ другой — промышленный городъ компаніи канала, съ своими бассейнами, гигантскими землечерпательными машинами и мастерскими, суетящійся какъ маленькій европейскій муравейникъ. Каналъ прорѣзываетъ бесконечную и мертвую пустыню, окружающую эти два города, изъ коихъ одинъ, постоянно заносимый пескомъ, переживаетъ предсмертную агонію, а другой представляетъ лихорадочное настоящее и неизвѣстное будущее...

Въ Суэзѣ я имѣлъ случай встрѣтить сына великаго шерифа Меккского, прибывшаго изъ Константинополя, куда онъ ѣздилъ жениться. Я отправился отдать визитъ на бортъ «Медины», парохода его отца, на которомъ онъ жилъ, въ ожиданіи своего отъѣзда въ Джедду.

Хаджи-Акли меня представилъ:

— «Мой товарищъ Абдулла Куртелмунъ возвращается со мной изъ Мекки. Онъ уже объѣхалъ большую часть мусульманскаго свѣта. Онъ другъ Ислама. Онъ издаетъ въ нашей странѣ описаніе востока, надѣясь заставить его полюбить, дѣлая его извѣстнымъ, и съ этою цѣлью мы путешествуемъ. Онъ снимаетъ фотографіи въ странахъ, которыя мы посѣщаемъ, и этимъ способомъ вѣрно представляетъ ихъ въ своихъ книгахъ».

— «А! твой товарищъ умѣетъ снимать фотографіи», — отвѣ-

тиль ему сынъ великаго шерифа. — Прекрасно! Я тоже купить аппаратъ въ Константинополь; пусть онъ испытаетъ его и скажетъ,—хорошъ ли онъ?»

Я въ тотъ же день импровизировалъ лабораторію въ одной маленькой каютѣ, сфотографировалъ «Медину» и, благодаря тому, что со мной была желатино-бромовая бумага, могъ уже черезъ полчаса показать сыну шерифа совершенно готовый снимокъ.

Этимъ я сразу приобрѣлъ его довѣріе и, въ особенности, довѣріе двухъ его совѣтниковъ, Шейхъ-Рашида изъ Мекки и Сидъ-Брахимъ-бенъ-Сидъ-Асадъ изъ Медины.

Шейхъ-Рашидъ, красивое лицо котораго дышитъ умомъ и который, видимо, гораздо болѣе знакомъ съ новѣйшей наукой, чѣмъ это можно было предположить, особенно былъ пораженъ быстротой, съ которою я произвелъ фотографическій опытъ.

— «Я знаю»,—сказалъ онъ,—«что клише на стеклѣ должно предварительно высохнуть, чтобы воспроизвести снимокъ; это требуетъ немалого времени. Какъ же ты сдѣлалъ все это такъ скоро?»

Я объяснилъ ему. Онъ хорошо понялъ и разсыпается въ похвалахъ моей ловкости.

Съ этого момента Шейхъ-Рашидъ относится ко мнѣ съ гораздо большимъ интересомъ; я съ своей стороны изучаю его ближе и все болѣе и болѣе поражаюсь. Это рѣдкая личность. Высокій, тонкій, удивительно хорошо сложенный, съ гордо поднятой головой, но не высокомерно, съ открытымъ лбомъ, съ прямымъ и свѣтымъ взглядомъ, это — представительнѣйшій изъ мужчинъ, когда-либо мной видѣнныхъ. Онъ чистѣйшей арабской расы и мнѣ кажется, что передо мной одинъ изъ великихъ сарацинъ арабской эпопеи. Онъ одѣтъ очень просто; но сколько благородства во всей его фигурѣ! И какъ идутъ къ нему золотая діадема и черный шелкъ одежды!..

Въ его присутствіи сынъ великаго шерифа пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ Мекку.

— «Я тебя буду обучать корану, а ты меня фотографіи»,—сказалъ онъ.

Шейхъ-Рашидъ попеременно окидываетъ насъ взоромъ. Онъ не произноситъ ни слова, но его глубокій взглядъ, казалось, говоритъ молодому шерифу:—«Тише, мой миленькій, ты не будешь много фотографировать въ Меккѣ, потому что я буду смотрѣть за тобою!», а мнѣ—«Ты не простака, чтобы вѣрить ему, не такъ ли?»

Мы поняли другъ друга и наше взаимное уваженіе еще уве-

личилось. Мнѣ думается, что, быть можетъ, и правъ онъ этотъ благородный потомокъ старинной расы, препятствуя тихо, но твердо, своимъ твердымъ разумомъ, движенію, которое мы называемъ прогресомъ. Онъ, этотъ Шейхъ-Рашидъ, понимаетъ, что разстояніе двѣнадцати вѣковъ, раздѣляющее двѣ наши цивилизаціи, не можетъ быть пройдено сразу, и что востокъ, пытаясь нагнать насъ на пути прогреса, уподобляется ребенку, желающему быстро ходить.

У меня на глазахъ поразительнѣйшій примѣръ. Сынъ великаго шерифа цѣлые дни поглощенъ разсмотрѣніемъ промышленнаго каталога, Archives commerciales; онъ перелистываетъ его съ большимъ любопытствомъ, спрашивая у насъ массу разъясненій по поводу картинокъ. Собраніе ихъ представляетъ смѣсь всего, что производитъ и продаетъ Европа, начиная съ экипажей и до шерстяныхъ чулковъ; здѣсь же этикетки водокъ и коньяковъ, ярлыки отъ шампанскаго, изображенія складныхъ лѣстницъ и музыкальныхъ ящиковъ; есть даже тачки, кирки и машины для приготовленія мороженаго, лимонада и содовой воды... Въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ дней я поддерживалъ компанію молодому шерифу, давая объясненія на все, что онъ видѣлъ, и, надо сказать, что всякую вещь онъ желалъ непременно приобрести. Въ особенности машины, дѣлающія мороженое и лимонадъ-газесъ, приводили его въ восторгъ и онъ упорствовалъ въ желаніи заказать ихъ. Я тщетно старался выяснитъ ему всѣ трудности производства зельтерской воды и лимонада посредствомъ машинъ, выставляя преимущества прибора Бриэ, рисунокъ котораго я сдѣлалъ; но ему во что бы то ни стало хотѣлось имѣть питье въ бутылкахъ, «чтобы оно дѣлало *пуфъ!*» — говорилъ онъ, — «когда я буду предлагать его своимъ друзьямъ»... Вотъ что, главнымъ образомъ, требуютъ отъ нашихъ наукъ эти большія дѣти, которыхъ мы называемъ сынами востока, — они хотятъ, чтобы наука служила удовлетворенію самыхъ причудливыхъ ихъ капризовъ. Но сколько разъ это вело ихъ къ разоренію и сколько роковыхъ послѣдствій этого черезчуръ успѣшнаго усвоенія нашихъ европейскихъ нравовъ занесла на свои страницы исторія Египта, Сиріи и Турціи!

Современная наука настоящій врагъ этихъ старинныхъ расъ, врагъ страшный, котораго они, сами не подозревая этого, впускаютъ къ себѣ сначала подъ видомъ безвредныхъ бутылокъ ши-

пучихъ водъ, продолжая желѣзными дорогами и кончая динамитомъ ¹⁾).

Вотъ почему, живя у нихъ, нашъ мыслящій сынъ запада невольно задаетъ себѣ вопросъ: вихорь прогресса, который такъ увлекаетъ насъ, представляетъ ли благодѣяніе для человѣчества?

Неоспоримо, наши новѣйшія науки улучшили матеріальную сторону существованія, облегчили страданія, увеличили удобства. Теперь мы съ быстротою молніи переносимся черезъ громадныя пространства. Но сколько во всемъ этомъ лихорадочности, торопливости жить, сколько сомнѣнія, и, рядомъ со всѣмъ этимъ, какая вѣчная неудовлетворенность!...

Простодушные народы востока живутъ безъ заботъ, инертно, подъ благодатнымъ небомъ, озабоченные только продолженіемъ своего потомства. Они не имѣютъ нашихъ чрезмѣрныхъ притязаній и смотрятъ на свое существованіе съ сердцемъ, наполненнымъ надеждой, какъ на кратковременный переходъ въ лучшую, будущую жизнь, о которой долго грезятъ они, созерцая по вечерамъ свое чудное звѣздное небо.

Гдѣ же настоящая мудрость?...

Должно быть у насъ было что-то общее, что соединяло насъ, Шейхъ-Рашида и меня. Его довѣріе ко мнѣ все росло. Онъ заставилъ меня дать ему обѣщаніе пріѣхать повидать его въ Меккѣ. Съ своей стороны, и Сидъ-Брахимъ предложилъ мнѣ быть его гостемъ, когда я буду въ Мединѣ. Эти два приглашенія очень заманчивы, въ особенности Сидъ-Брахима, который является въ Мединѣ представителемъ великаго шерифа Мекки. Но возможно ли будетъ мнѣ сдержать эти обѣщанія послѣ того, какъ мои поступки такъ глупо извращены и такъ превратно поняты нѣкоторыми безтактными и злонамѣренными репортерами?

Многіе мусульмане совершенно превратно толкуютъ цѣль моего путешествія, хотя ни послѣ моего возвращенія, ни передъ отправленіемъ въ путь, ничто, ни въ моемъ поведеніи, ни въ моихъ словахъ, не обнаруживало ни малѣйшаго глумленія надъ Исламомъ, который я и теперь продолжаю изучать съ полнымъ уваженіемъ и искренностью. Я очень рассчитываю, что эти строки разсѣютъ прискорбное недоразумѣніе, и уповаю на будущее, которое мнѣ позволить, я надѣюсь, осуществить мою чудную мечту путе-

1) Въ прошломъ году возмущившіеся въ Іеменѣ арабы взорвали динамитомъ зданіе суда въ Сана.

шествія въ самое сердце центральной Аравіи, въ Неджу и къ Бенъ-Рашиду...

Я воспользовался моимъ пребываніемъ въ Суэзѣ, чтобы еще ближе, чѣмъ въ моихъ предыдущихъ путешествіяхъ, изучить жизнь фелаховъ въ Египтѣ.

Бѣдные фелахи! Печальные потомки исчезнувшей расы, они остались вѣчными и несчастными рабами въ этой странѣ изобилія...

Удивительна судьба этого народа, служившаго во всѣ времена предметомъ алчности всѣхъ завоевателей. И теперь, подъ опекой европейской націи, они остаются рабами, подъ предлогомъ гарантіи четырехъ-милліарднаго долга, между тѣмъ какъ наши цивилизованныя европейскія націи такого долга имѣютъ въ десять разъ больше.

Бѣдные фелахи Египта!

За ничтожную цѣну покупаетъ у нихъ европеецъ лукъ, живыхъ перепеловъ, пшеницу, хлопокъ, кукурузу и всѣ произведенія страны. Случись неурожай, — фелахъ страшно голодаетъ. Въ случаѣ же урожая цѣна на продукты падаетъ настолько, что фелазу опять не на что существовать... Вотъ онъ, результатъ «протектората» высшихъ цивилизацій, которыя, якобы просвѣщаютъ и направляютъ, съ оружіемъ въ рукѣ, эту простую и наивную толпу!.. Къ большому счастью для этой страны, избранная часть молодежи хранить горячій патриотизмъ и мужественно работаетъ для поднятія фелаховъ и для освобожденія ихъ отечества. Если только это въ человѣческихъ силахъ, — они успѣютъ въ своихъ начинаніяхъ. Во всякомъ случаѣ, мы — французы — должны горячо желать этого, ибо главнымъ образомъ изъ нашихъ юридическихъ школъ вышла эта юная фаланга патриотовъ...

«Мельбурнъ», общества Messageries Maritimes, посадилъ меня на родину, и я, наконецъ, во Франціи.

Въ Марселѣ погода туманная и холодная, мороситъ дождь. Несмотря на чудесный пріемъ, оказанный мнѣ и представляющей такой рѣзкій контрастъ съ моимъ несчастнымъ существованіемъ въ Хеджазѣ, я вспоминаю, не безъ сожалѣнія, о странахъ солнца и голубого неба... Я пробѣгаю нѣкоторые журналы: повсюду та же лихорадочность и тѣ же суетныя страсти...

Въ вагонѣ я читаю про какую-то пламенную любовь, но мнѣ холодно и я дрожу...

Я смотрю въ окно вагона, уносящаго меня на всѣхъ парахъ къ Парижу. Осеннимъ золотомъ блистаетъ весь Провансъ; но сѣ-

рое небо низко нависло. Чудесный видъ открывается на долину Saint Chamas; но дома этой страны сѣры и здѣсь фабрикують порошокъ... Вездѣ угрозы войны: стратегическія линіи перекрещиваются какъ сѣти стальной паутины. Здѣсь тоже пустыня, но пустыня въ бронѣ, полная будущихъ угрозъ и гнѣва... Гдѣ вы, мои розовыя пустыни и мои добрые вожакі верблюдовъ?..

Тѣмъ не менѣе Франція прекрасна и, при видѣ ея, мое сердце бьется снова.

Какое плодородіе въ этихъ предмѣстьяхъ Тараскона, сколько фруктовыхъ садовъ и маленькихъ огородовъ! Всѣ эти обработанныя поля, и этотъ общій, всюду царящій, видъ благоденствія даетъ ясное понятіе о Франці, богатой, трудолюбивой и благоденствующей, странѣ изобилія и неисчерпаемаго плодородія, которой не достаетъ, увы, только немного солнца и любви... любви къ ближнему, любви къ жизни простой и счастливой, любви къ семьѣ и, можетъ быть, любви къ Богу... къ Богу единому христіанъ или мусульманъ, но къ Господу міровъ Всемогущему и Милосердому...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Разсказъ о моемъ путешествіи, которое я описываю со всею точностью свѣжихъ воспоминаній, содержитъ исключительно мои личныя впечатлѣнія и перипетіи моей дороги.

Я думаю, что хорошо было бы дополнить эту работу прибавленіемъ къ тому, что я собралъ въ Меккѣ, всего, что уже было извѣстно по интереснымъ документамъ, разбросаннымъ въ разныхъ сочиненіяхъ, чтобы, закрывая эту книгу, читатель былъ въ курсѣ всего, что въ настоящее время извѣстно объ этой, до сихъ поръ еще столь таинственной части Аравіи.

Эту работу мнѣ особенно облегчило недавно вышедшее сочиненіе доктора Пру, Proust. «L'Orientation nouvelle de la politique sanitaire», въ которомъ авторъ, обозрѣвая появленіе эпидемій на востокѣ, ихъ начало и причины, посвящаетъ длинную главу паломничеству въ Мекку. Въ ней онъ собралъ очень добросовѣстно все то, что мои предшественники и я самъ говорили или печатали о священномъ городѣ.

Вотъ перечень моихъ предшественниковъ, писавшихъ о Меккѣ:

Бурардтъ (швейцарець), первый оставилъ описаніе города, который онъ посѣтилъ въ 1814 г.

Буртонъ (англичанинъ), офицеръ службы Англо-Индійской компаніи, путешествовавшій и изслѣдовавшій Хеджазъ въ 1853 г. Онъ участвовалъ въ паломничествѣ въ Мекку и Медину.

Леонъ Рошъ (французъ), главный переводчикъ африканской арміи, былъ посланъ съ порученіемъ къ великому шерифу Мекки въ 1837 г. маршаломъ Бюжо. Это было въ самый разгаръ Африканской войны, столь же губительной, какъ и бесплодной для мусульманъ, такъ какъ всякое сопротивленіе съ ихъ стороны было безцѣльно въ виду рѣшительнаго стремленія Франціи довести до конца дѣло завоеванія Алжира. Имѣя въ виду самую возвышенную, гуманитарную цѣль, маршалъ возымѣлъ прекрасную мысль обратиться къ мудрости религіозныхъ главъ Ислама и испросить у нихъ *фетву* (родъ религіознаго повелѣнія или разрѣшенія), которая убѣдила бы алжирскихъ мусульманъ оставить бесполезное сопротивленіе и добровольно покориться нашему владычеству съ тѣмъ, что мы имъ сохранимъ ихъ учрежденія религіозныя и судебныя.

Леонъ Рошъ вполне успѣлъ въ этой миссіи. Онъ имѣлъ свиданіе съ великимъ шерифомъ и ему удалось побудить совѣтъ мекскихъ улемовъ подписать и санкціонировать фетву, ранѣе составленную улемами Кайруана и уже одобренную въ Каирѣ.

Успѣхъ былъ полный; мой знаменитый предшественникъ не только способствовалъ умиротворенію Алжира, но и спасъ не одну французскую жизнь, которая безъ него была бы напрасно принесена въ жертву. Его путешествіе представляло множество опасностей и онъ обязанъ своимъ спасеніемъ только чуду.

Узнанный въ Меккѣ алжирцами, которыхъ онъ нѣкогда обвинялъ въ какомъ-то преступленіи, будучи переводчикомъ при французскихъ властяхъ, онъ былъ выданъ въ Арафатъ во время религіозныхъ омовеній. Невообразимый шумъ поднялся въ возмущенной толпѣ. Его схватили, связали, прикрутили къ верблюду и куда-то увезли съ быстротой. Онъ считалъ себя погибшимъ, это-то и спасло его: похищеніе было устроено великимъ шерифомъ, который, по собственному побужденію, приказалъ слѣдить за посланникомъ маршала Бюжо, чтобы устранить отъ него всякую опасность...

Въ настоящее время Леонъ Рошъ, послѣ блестящей карьеры, посвященной цѣликомъ службѣ Франціи, бывши послѣдовательно

полномочнымъ министромъ въ Японіи, въ Марроко, гдѣ онъ выполнялъ важныя порученія, наслаждается вполне заслуженнымъ отдыхомъ. Это высокій плечистый старикъ, сильный какъ атлетъ. Я имѣлъ честь видѣть его возлѣ себя, когда я дѣлалъ сообщеніе въ Бордо о моемъ путешествіи. Во время моего подробнаго разсказа о пребываніи въ святомъ городѣ, глубокое волненіе наполнило его глаза слезами.

— «Я снова, черезъ пятьдесятъ семь лѣтъ, переживаю это путешествіе съ вами»,—сказалъ онъ, обнимая меня.

Спукъ Хюргронъ (Spouck Hugronje, голландецъ), прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ святомъ городѣ. Онъ занялся въ особенности этнографіей, и почти никуда не выѣзжалъ. Тѣмъ не менѣе, ему мы обязаны точными и новѣйшими свѣдѣніями, такъ какъ онъ былъ въ Меккѣ еще въ 1885 году.

Упомяну еще нѣсколько именъ европейцевъ, которымъ удалось проникнуть въ святой городъ. Таковы: *Валленъ*, *Фонъ-Малцанъ*, докторъ *Морелл* и испанецъ *Бадіа*.

Происхожденіе пилигримства теряется въ мракѣ отдаленныхъ временъ. Оно существовало задолго до основанія Мекки, въ V вѣкѣ нашей эры. Церемоніи *Хаджа* составляютъ остатокъ обрядовъ языческихъ, которые Магометъ, не смѣя уничтожить ихъ, приурочилъ и къ своему культу. Арабы утверждаютъ, что всѣ пророки совершали паломничество въ Мекку, начиная съ Авраама, который его установилъ, и кончая Иисусомъ, включая сюда Исаака, Иакова и Моисея.

Ихъ утвержденія, особенно тамъ, гдѣ они точны, касаются Моисея. Шейхъ Хаббейдъ, великій малекитскій муфтіи Мекки, однажды разсказывавшій мнѣ жизнь этого пророка, слова, «*приноситъ жертву въ пустынь*», толковалъ слѣдующимъ образомъ.

— «Видишь-ли ты, мой сынъ, это именно говорится о жертвѣ въ Мунѣ; когда Фараонъ не захотѣлъ разрѣшить паломничество, тогда евреи бѣжали изъ Египта; благодаря чуду, про которое ты знаешь, они переправились черезъ Красное море, продолжали свой путь по пустынѣ, принесли жертву въ Мунѣ и поднялись на сѣверъ въ свою іудейскую страну.

Этотъ любопытный способъ толкованія Ветхаго Заветъа не находится въ Коранѣ, точно также, какъ мнимое путешествіе Иисуса Христа въ Мекку, о которомъ я услышалъ въ первый разъ въ священномъ городѣ. Вотъ, между прочимъ, мусульманское преданіе и толкованіе на Ветхій Заветъ.

«Когда Адамъ и Ева вкусили запретнаго плода, они были низвергнуты на землю. Ева упала въ Арафатъ, а Адамъ въ Серендибъ (Цейлонъ). Адамъ искалъ свою жену въ продолженіе ста лѣтъ и нашелъ ее на *джебель Арафатъ*, что значить—*гдѣ онъ узналъ* (эта гора находится въ 30-ти километрахъ на востокъ отъ Мекки). Преданіе указываетъ именно на Муну, между Арафатомъ и священнымъ городомъ, какъ на мѣсто, гдѣ совершено жертвоприношеніе Авраама. То, что рассказываютъ объ Агари, случилось также здѣсь, въ Меккѣ. Когда она, умирая отъ жажды съ своимъ сыномъ Измаиломъ, была чудесно спасена архангеломъ Гавріиломъ, который ей приказалъ рыть землю ногой,—источникъ забилъ сейчасъ же и съ такой силой, что чуть не поглотилъ бѣглецовъ. «*Земь-Земь, т. е. сократись ты!*» вскричала Агарь, и съ тѣхъ поръ это названіе Земь-Земь осталось за чудеснымъ источникомъ, который течетъ и въ наши дни. Наконецъ, здѣсь же, въ Дждѣ, умерла наша праmaterъ Ева и ея могила возвышается на нѣкоторомъ разстояніи отъ городскихъ стѣнъ, въ сторонѣ восхода солнца».

Цѣль паломничества заключается въ благочестивомъ посѣщеніи святыхъ мѣстъ, служившихъ предметами почитанія въ теченіе тысячелѣтій.

Во времена арабовъ-идолопоклонниковъ пилигримство совершалось осенью; но Магометъ, установивъ лунные мѣсяцы, назначилъ временемъ сборища три послѣдніе. Изъ этого слѣдуетъ, что ежегодно день празднествъ перемѣщается на тринадцать дней и что пилигримство, въ періодъ тридцати трехъ лѣтъ, происходитъ послѣдовательно во всѣ времена года.

Кромѣ того, черезъ каждыя семь лѣтъ *Курбанъ-байрамъ*, величайшій праздникъ, приходится на пятницу, святой день мусульманъ. Въ такіе годы стеченіе народа бываетъ громадное.

Въ былыя времена сами государи совершали паломничество, причемъ одинъ изъ багдадскихъ халифовъ, говорятъ, привелъ съ собой 900 муловъ—единственно для перевоза своего гардероба ¹⁾. Гарунъ-аль-Рашидъ былъ въ Меккѣ восемь разъ. Магометъ-Али отправился туда въ 1814 году.

Паломничество въ Мекку было признано Магометомъ обязательнымъ и составляетъ четвертый основной догматъ мусульманской религіи; три остальные—молитва, милостыня, и постъ—*Ра-*

¹⁾ По словамъ Элизе Реклю, въ тринадцатомъ столѣтіи караванъ послѣдняго изъ Аббасидовъ состоялъ изъ 120,000 верблюдовъ и цѣлой арміи солдатъ, служителей и торговцевъ.

мазанъ. Паломничество, впрочемъ, обязательно только для тѣхъ, кто въ состояніи его сдѣлать.

Пилигримы, одѣтые въ *ихрамъ*, прежде всего совершаютъ молитву на могилѣ Евы, въ Джеддѣ; затѣмъ отправляются въ Мекку. По прибытіи туда, они немедленно входятъ въ великую мечеть, проходятъ подъ воротами *Бабъ-ес-Салимъ*, совершаютъ молитву передъ молельшей Авраама, особеннымъ образомъ перекидываютъ ихрамъ черезъ плечо и семь разъ обходятъ вокругъ Каабы, повторяя вслухъ слова молитвы, которыя произносить ихъ метуафъ. Затѣмъ они цѣлуютъ черный камень, оправленный въ серебряный дискъ и вдѣланный въ одинъ изъ угловъ Каабы, на высотѣ человеческого роста. Послѣ этого пилигримы выходятъ изъ мечети для совершенія обряда *Сай*, въ память мученій Агари, умиравшей отъ жажды въ пустынѣ, и затѣмъ снова входятъ въ нее, чтобы окропиться водой изъ Земъ-Зема или, по желанію, продѣлать омовеніе чудодѣйственной водой этого источника. Смотри по объѣту, данному при отбѣздѣ съ родины, нѣкоторые идутъ еще молиться въ Омру, лежащую въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города; но это необязательно. Такъ какъ обыкновенно пилигримы прибываютъ въ Мекку заранѣе, то они могутъ отдохнуть нѣсколько дней въ святомъ городѣ и позаботиться о своихъ дѣлахъ, свободно совершая всякія покупки и продажу; только на восьмой день мѣсяца *Зул-Хиджа* они отправляются торжественными караванами, имѣя махмаль во главѣ и не останавливаясь въ Мунѣ и Музделифатѣ, къ горѣ Арафатъ, гдѣ располагаются лагеремъ. «Поразительное зрѣлище»,—говоритъ Леонъ Рошъ,—«представляютъ эти тысячи палатокъ, освѣщенные луной при отблескѣ громадныхъ костровъ. Перекликаніе заблудившихся пилигримовъ, нестройные крики кофейщиковъ, религіозныя воззванія и, наконецъ, веселыя пѣсни подъ громъ барабановъ и хлопанье въ ладоши, сливаясь въ невообразимый шумъ, сопровождаемый громкимъ ревомъ болѣе чѣмъ 20-ти тысячъ верблюдовъ, ржаніемъ лошадей и крикомъ ословъ, составляютъ концертъ по истинѣ адскій!... Это самый оживленный день паломничества, день, въ который общее веселье выражается самымъ шумнымъ образомъ,—зажигаютъ фейерверки, стрѣляютъ изъ пушекъ и вся толпа поетъ...

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня выстрѣлы изъ караванныхъ пушекъ возвѣщаютъ о наступленіи часа утренней молитвы (ес-сухъ). Затѣмъ со всѣхъ сторонъ раздаются звонкіе голоса муэззиновъ, призывающихъ на молитву правовѣрныхъ.

Около 3-хъ часовъ пополудни начинается проповѣдь, продолжающаяся до заката солнца. При этомъ черезъ каждыя четыре—пять минутъ проповѣдникъ взмахиваетъ зеленымъ знаменемъ, давая этимъ сигналъ къ общимъ восклицаніямъ:—«Лаббаика, Аллахума! Лаббаика» ¹⁾. Какъ только солнце спустилось къ горизонту и скрылось, толпа немедленно приходитъ въ движеніе и всякій спѣшитъ первымъ спуститься къ подошвѣ горы. Безпорядокъ при этомъ бываетъ невообразимый! Раненые и раздавленные часто усыпаютъ дорогу и погибаютъ подъ ногами стихійно несущейся толпы, такъ какъ каждый обязанъ пройти между двумя столбами, поставленными на разстояніи шести метровъ одинъ отъ другого, и всѣ,—мужчины, женщины и дѣти, съ ихъ багажемъ и верблюдами, спѣшатъ къ этому узкому проходу на перерывъ другъ передъ другомъ. Здѣсь происходитъ ужасная давка, въ которой въ 1892 году погибли болѣе 30-ти пилигримовъ и которая отчасти объясняется общимъ убѣжденіемъ, что, «достигшій первый цѣли и испутившій при этомъ послѣдній вздохъ попадаетъ прямо на небо, гдѣ гуріи рая принимаютъ его въ свои объятія...»

Жертвоприношенія *Курбанъ-байрама* совершаются на 'второй день въ долинѣ Муна, въ воспоминаніе жертвоприношенія Авраама. Закалывающій жертву поворачиваетъ голову барановъ, быковъ или верблюдовъ въ сторону Каабы и произноситъ при этомъ священную формулу. Въ 1893 году было зарѣзано болѣе 120 тысячъ барановъ.

Пребываніе въ Мунѣ обязательно въ теченіе трехъ дней; но въ настоящее время многіе богомольцы сокращаютъ этотъ срокъ, чтобы избѣжать зловредныхъ испареній, поднимающихся изъ кровавыхъ лужъ и отъ всякихъ нечистотъ, которыми въ это время бываетъ буквально завалена эта узкая долина. Для ослабленія послѣдствій этой ужасной рѣзни принимаются нѣкоторыя мѣры, заранѣе приготовляются ямы, всѣ остатки и отбросы немедленно закапываются и т. д. Но все это, конечно, не устраняетъ опасности, даже большой, для общественнаго здравія и вообще возможныхъ послѣдствій этого пагубнаго обычая, хотя, однако, необходимо замѣтить, что, въ видахъ эгоистическихъ, факты значительно преувеличиваются; достаточно сказать, что холера никогда не зарождалась въ Мунѣ.

Холера заносится пилигримами изъ Индіи, гдѣ она всегда су-

¹⁾ По мнѣнію арабскихъ филологовъ это значитъ: «къ Тебѣ, Боже Нашъ, къ Тебѣ».

ществуетъ. Здѣсь же, въ Аравіи, среди людей, истощенныхъ тяжелыми лишеніями и трудностями пути, и при самыхъ печальныхъ гигиеническихъ условіяхъ, она только легко прививается и распространяется. Тенерь же, въ виду принятыхъ предосторожностей, какъ, напримѣръ, немедленнаго закапыванія труповъ, повторяю, невозможно допустить, чтобы холера зарождалась именно здѣсь. Затѣмъ, что касается разказовъ о томъ, что богомольцы съ жадностью ѣдятъ даже гнилое мясо убитыхъ жертвъ, то это чистѣйшій абсурдъ. Дошли даже до того, что утверждали, будто голодающіе паломники вырываютъ трупы, зарытые нѣсколько дней тому назадъ. Это просто смѣшно!

Дѣло вотъ въ чемъ. Мы, французы, наивно играемъ въ руку англичанамъ, которые заинтересованы въ распространеніи этихъ слуховъ, и продолжаемъ не обращать вниманія на то, что не принимается никакихъ даже элементарныхъ мѣръ предосторожности, въ смыслѣ бдительнаго надзора за санитарнымъ состояніемъ индійскихъ паломниковъ, прибывающихъ моремъ или съ іеменскими караванами. Но при этомъ пострадала бы торговля рисомъ, бумажными и шелковыми тканями. Поэтому англичане предпочитаютъ предоставить намъ и всѣмъ санитарнымъ комисіямъ ожесточаться противъ жертвоприношеній въ Мунѣ. Если мы не обратимъ на это должнаго вниманія, наступитъ день, когда самыя неожиданныя непріятности откроютъ намъ глаза, но, увы, слишкомъ поздно!—на дѣйствія нашихъ коварныхъ и честолюбивыхъ сосѣдей.

Но возвратимся къ нашимъ богомольцамъ. Совершивъ жертвоприношеніе, они вообще спѣшатъ возвратиться въ Мекку, причемъ на пути торопливо купаются въ *фонтанъ Зобеиды*, представляющемъ родъ прямоугольнаго каменнаго бассейна, искусственно наполняемаго водой. Этотъ бассейнъ вырытъ въ очень узкой долинѣ (а не въ безконечной равнинѣ, какъ представляютъ рисовальщики-фантазеры нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ журналовъ), у самаго края дороги, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ каменнаго водопровода, снабжающаго Мекку водою для питья. Изъ этого самаго водопровода черпается вода для наполненія бассейна. Вотъ еще одно обстоятельство, опасное для здоровья богомольцевъ, даже болѣе опасное, чѣмъ всѣ миазмы Муны, но которое, казалось бы, легко устранить простымъ осушеніемъ бассейна.

Возвратившись въ Мекку, большинство богомольцевъ спѣшитъ въ Джедду, гдѣ уже пароходы готовы къ отплытію въ Ямбо. Этимъ и оканчивается паломничество въ Мекку.

Нѣкоторые правовѣрные присоединяются къ официальнымъ караванамъ (египетскому и сирійскому махмаламъ) для совершенія пилигримства сухимъ путемъ въ Медину. Это необязательно, но вмѣняется въ большую заслугу, и потому очень принято.

Въ Меккѣ, какъ центрѣ Хеджазскаго вилайета, пребываютъ двѣ власти: *Вали*, представитель султана, при которомъ акредитованы консулы, и *Великій Шерифъ*, съ которымъ консулы не могутъ имѣть прямыхъ сношеній. Бедуины подчиняются Шерифу, хотя официально считаются подъ властью Вали. Великій Шерифъ есть шейхъ Мекки, болѣе могущественный, болѣе уважаемый, чѣмъ всѣ прочіе шейхи. Въ теченіе двѣнадцати вѣковъ онъ всегда избирался изъ среды потомковъ пророка.

Политическое положеніе Хеджаза совершенно особенное и ничѣмъ не напоминаетъ положенія другихъ странъ, находящихся подъ властью Турціи. Хеджазцы не несутъ военной службы, не платятъ налоговъ и наоборотъ,—получаютъ еще субсидіи золотомъ и серебромъ отъ султана и египетскаго хедива.

Великій Шерифъ располагаетъ значительными суммами. Онъ получаетъ, какъ говорятъ, 40,000 франковъ въ мѣсяць отъ Порты; онъ имѣетъ личную стражу (*Вишазъ*), это—бедуины, грабившіе караваны купцовъ и пилигримовъ. Великій Шерифъ организовалъ ихъ въ команды и расположилъ частями между Тайефомъ и Меккой. Онъ также имѣетъ своего представителя при султанѣ и въ Египтѣ. Самъ онъ никогда не покидаетъ Мекки, если не считать переѣзда на дачу въ Тайефъ. Онъ пользуется большимъ уваженіемъ богомольцевъ, ежегодно стекающихся сюда отовсюду, начиная отъ Китая и до Марокко. Они видятъ въ немъ потомка пророка и на него смотрятъ какъ на главу религіи, хотя это невѣрно, такъ какъ настоящій глава религіи—*Эмиръ-уль-Мумининъ* (султанъ), а послѣ него—*Шейхъ-уль-Исламъ*, котораго онъ уполномочиваетъ своею властью.

Валии съ самаго своего приѣзда сюда понимаютъ, что они не могутъ бороться противъ могущества, такъ прочно установившагося въ лицѣ Великаго Шерифа. Если, однако, Вали человекъ энергичный и имѣющій вліяніе на султана, какъ Османъ-паша, то значеніе Великаго Шерифа можетъ умалиться настолько, что онъ является лицомъ лишь второстепеннымъ въ сравненіи Вали, что и случилось съ теперешнимъ Великимъ Шерифомъ, очень хорошо знавшимъ, что Османъ-паша не останется долго въ Меккѣ, и что,

послѣ его отъѣзда, онъ немедленно возвратитъ свой временно ослабѣвшій авторитетъ.

Теперешній Великій Шерифъ—*Сидна-Аунъ-ер-Рафикъ*.

Въ общемъ политическое состояніе Хеджаза далеко не блестящее, какъ въ смыслѣ организаціи, такъ и въ административномъ отношеніи. Но принимая въ соображеніе трудность и сложность множества вопросовъ, нелегко придумать какое-либо средство къ улучшенію настоящаго положенія дѣлъ. Конечно, проведеніе желѣзной дороги изъ Джебды въ Мекку значительно измѣнило бы положеніе дѣлъ; объ этомъ поговариваютъ часто и это вѣроятно будетъ когда-нибудь. Но просвѣщенные мусульмане будутъ противиться этому еще долго и съ большой энергіей въ виду того, что мѣра эта уничтожитъ всю философскую мораль пилигримства: не будетъ болѣе общаго униженія подъ простой одеждой странника, не будетъ перенесенія общихъ трудностей богатыми и бѣдными, соединившимися на время въ общемъ равенствѣ.

Пророкъ желалъ, чтобы всѣ, великіе и малые, сильные и слабые, рабы и монархи, приходили всѣ вмѣстѣ, съ обнаженнымъ тѣломъ, съ опущеннымъ челомъ признать свое равенство передъ Богомъ. Желѣзная дорога отниметъ у этого великаго акта вѣры и человѣческаго братства все его нравственное значеніе, весь его престижъ, и превратитъ его въ обычай простого суевѣрія.

